
«ЭНЕРГИЧНЫЕ, ЗНАЮЩИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ —
ДЛЯ НИХ БРАЗИЛИЯ И СОЗДАНА»:
ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ
ПСИХОЛОГА ЕЛЕНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ АНТИПОВОЙ

Предисловие, составление, подготовка текста и комментарии
Н.Ю. Масоликовой

Она сидела на полу
И грудю писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.
Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

Ф.И. Тютчев

Находка личных писем ученого — профессиональная удача для биографа. Исторический документ, отражающий эпоху и взгляды, идеи и этапы профессионального развития, письма, как никакой другой источник, раскрывают личность исследователя, его мировоззрение и систему ценностей. «Письма — исторический документ... их нужно печатать как таковые»¹, — справедливо заметил известный историк А.П. Ненароков, а один из лидеров петербургской школы психологов Б.Г. Ананьев добавил: «Изучение личности неизбежно становится историческим исследованием... и эпохи, страны, общественного строя, современников, соратников, сотрудников или, напротив, противников — в общем, соучастников дел, времени и событий, в которых была вовлечена личность»². Именно из исторической науки психология заимствовала методику анализа документов личного происхождения, которая оформилась в итоге в биографический метод исследования личности.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фонде литератора и журналиста Виктора Яковлевича Ирецкого (1882–1936)³ хранится небольшое количество документов его родных — жены и сына. В предисловии к описи фонда отмечено, что «материалы членов семьи В.Я. Ирецкого особого интереса не представляют». Однако именно 59 писем супруги писателя Елены Владимировны Антиповой (1892–1974)⁴, бразильского психолога с мировым именем и интереснейшей фигуры российского научного зарубежья XX в., имеют

¹ Ненароков А.П. «Письма — исторический документ... их нужно печатать как таковые». Из переписки Б.И. Николаевского // Россия XXI. 2002. № 6. С. 146.

² Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. С. 277.

³ О В.Я. Ирецком см.: Ирецкий Виктор Яковлевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 2. С. 423–424.

⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 221.

Елена Владимировна Антипова.
Ленинград. 1924 г.

важное историко-научное значение. Психолог-исследователь, педолог, педагог-энтузиаст, организатор науки и образовательной системы, отважная женщина и отчаянная мать, русский интеллигент и волею судьбы миссионер в далекой Бразилии с 1929 по 1974 г. — таковы основные жизненные ипостаси Антиповой.

Известный бразильский писатель Отто Лара Резенде (Rezende; 1922–1992) оставил выразительный портрет Е.В. Антиповой: «Дона Элена, сухая, аскетичная, похожая на колосок. Слабая женщина и сильная славянка, разрушительница всех стереотипов — близорукая интеллектуалка с потрясающей прозорливостью, эта (вечно с головной болью!) бразильянка... из Санкт-Петербурга и конструктор детских душ, апостол женского рода, ниспосланный нам из российского поднебесья, —

она сама была лучшим примером того “созидательства”, которому учила, которое проповедовала самой жизнью своей»⁵. Почти неизвестные на родине, в Бразилии заслуги Елены Владимировны получили высокое государственное признание — она удостоена звания почетного гражданина одного из самых крупных и богатых штатов страны Минас-Жерайс, титула «Мать года», ордена Южного Креста, медали «За заслуги в области образования» (вручена лично президентом Бразилии). Сегодня в Бразилии действуют научно-исследовательский институт и образовательный фонд ее имени (Foundation Helena Antipoff, FNA)⁶, на португальском языке издано пять томов ее научных работ и материалов общественных инициатив⁷.

Россия и Бразилия насчитывают уже более 200 лет истории дипломатических, экономических и культурных взаимоотношений. Их становление начиналось еще в первой половине XIX в., когда немногочисленным русским мореплавателям, дипломатам и ученым удавалось добираться до далекой заокеанской страны⁸. В XX в. миграционный поток россиян в страны Латинской Америки

⁵ Цит. по: Мартынов Б.Ф. Русские в Бразилии // Латинская Америка. 1995. № 11. С. 80.

⁶ См.: <http://www.fundacaohantipoff.mg.gov.br>.

⁷ Coletânea das obras escritas de Helena Antipoff. Belo Horizonte, 1992. Vol. 1–5.

⁸ См.: Комиссаров Б.Н. Петербург — Рио-де-Жанейро: Становление отношений. 1808–1828 гг. Л., 1987; Мартынов Б.Ф. Русские в Бразилии // Латинская Америка. 1995. № 11; Он же. Первостроители // Там же. 1997. № 9; Нечаев С.Ю. Русские в Латинской Америке. М., 2010; Окунцев Н.К. Русские эмигранты в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967; Русское зарубежье в Латинской Америке. М., 1993; Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки. Киев, 1980; Сизоненко А.И. Непроторенными путями: Первые советские дипломаты и ученые в Латинской Америке. М., 1988; Хисамутдинов А.А. Русские в Бразилии // Латинская Америка. 2005. № 9.

существенно увеличился в связи с расширением экономической деятельности, а также под воздействием революционных катаклизмов, потрясших Россию. К сожалению, «XX век скуден живыми свидетельствами тех, кому довелось посетить Бразилию»⁹. Тем более не создано пока научных работ, систематизирующих, обобщающих или анализирующих причины, этапы, специфику бытования российской научной диаспоры в Бразилии в XX в. История российской эмиграции в странах Латинской Америки в целом и Бразилии в частности еще ждет своих исследователей¹⁰.

Имя Е.В. Антиповой упоминается в работах отечественных авторов весьма кратко. Лишь известный историк и политолог Б.Ф. Мартынов, ныне заместитель директора института Латинской Америки РАН, опубликовал в 1995 г. статью о представителях российской эмиграции в Бразилии, в которой изложил основные факты жизни и деятельности Антиповой в Бразилии¹¹. Источниками для этой работы, оказавшейся первым русскоязычным текстом о выдающемся психологе, послужили сведения из французского энциклопедического словаря «Ларусс» и книги мемуаров сына Е.В. Антиповой, изданной на португальском языке¹². В то же время биография Елены Антиповой, ее научная, организационная и общественная деятельность в Бразилии привлекли и привлекают значительное внимание бразильских историков науки¹³. Однако российскую часть жизни и эмигрантскую одиссею ученого они по понятным причинам совершенно не затрагивают. Выявленные нами в РГАЛИ письма Антиповой мужу — в настоящее время основной и пока, к сожалению, единственный источник по российской части ее биографии.

Елена Владимировна Антипова родилась 25 марта (7 апреля) 1892 г. в городе Гродно Минской губернии, где стояла военная часть ее отца, Владимира Васильевича Антипова (1862 — не ранее 1923), в то время офицера 101-го пехотного Пермского полка, входившего в состав 26-й пехотной дивизии Виленского военного округа¹⁴.

Владимир Антипов был уроженцем Лифляндской губернии и происходил из семьи потомственных почетных граждан. Он окончил 2-е военное Константиновское училище в Петербурге (1882), и его строевая карьера продвигалась более чем успешно: уже на седьмом году службы он получил в командование роту, а на

⁹ Россия и Бразилия. 200 лет знакомства: свидетельства русских путешественников, ученых, дипломатов, артистов и литераторов / Сост. Л.М. Бурмистрова. М., 2004. С. 10.

¹⁰ Мосейкина М.С. Историография российской эмиграции в странах Латинской Америки (конец XIX — XX в.) // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX — XX в.): Сб. ст. М., 2004. С. 240.

¹¹ См.: Мартынов Б.Ф. Русские в Бразилии.

¹² См.: Antipoff D. Helena Antipoff: Sua vida, sua obra. Rio de Janeiro, 1975.

¹³ См.: Campos R.H.F. Helena Antipoff (1892–1974): A Synthesis of Swiss and Soviet Psychology in the Context of Brazilian Education // History of Psychology. 2001. Vol. 4. № 2 P. 133–158; Dicionário Biográfico da Psicologia no Brasil. Pioneiros. Rio de Janeiro, 2001. P. 53–58.

¹⁴ Сведения приводятся на основании послужного списка В.В. Антипова, см.: РГВИА. Ф. 409. П/с 313-056. Приносим благодарность А.В. Марыняку, познакомившему нас с этим документом. Ниже цитируются отдельные выражения из этого списка.

девятым был произведен в штабс-капитаны. Прослужив двенадцать лет в строю, Антипов решил поступать в Николаевскую академию Генерального штаба и в октябре 1894 г. был зачислен в академию. Однако вскоре он был отчислен «по недержанию экзамена» и отправился «к предыдущему месту службы». Для многих офицеров такой поворот означал бы крушение карьеры, но Владимир Васильевич проявил завидное упорство: в 1896 г. он вновь командирован в академию и успешно оканчивает ее в 1899 г. Его дальнейшая служба проходила в штабах гвардии и Петербургского военного округа. В 1907 г. полковник Антипов возглавил Петербургское пехотное юнкерское училище и реформировал его, существенно повысив статус учебного заведения. На должности начальника училища Антипов оставался до конца зимы 1915 г., когда был досрочно произведен в генерал-майоры.

О матери Е.В. Антиповой — Софье Константиновне, пока известно очень мало. Она родилась в Болгарии в семье полковника Стоянова и кроме Елены имела еще двух дочерей — Зинаиду (р. 1895) и Татьяну (р. 1904).

Свой научный роман с психологией — в то время молодой, но весьма популярной научной дисциплиной — Елена Антипова начинала на Высших (Бестужевских) женских курсах в Петербурге, которые окончила в 1909 г. Осенью следующего 1910 г. она отправилась в Лондон, где служила гувернанткой и преподавателем французского языка в английской семье, а еще через год, с октября 1911 г., училась в Сорбонне (Франция). Здесь Антипова познакомилась с крупнейшими европейскими специалистами в области психологии и философии — общественным деятелем и нобелевским лауреатом философом Анри Бергсоном (Bergson; 1859–1941), психологом и психопатологом Пьером Жане (Janet; 1859–1947), выдвинувшим концепцию психологии как науки о поведении; Теодором Симоном (Simon; 1873–1961) и Альфредом Бине (Binet; 1857–1911) — «отцами» всемирно известной шкалы измерения интеллекта, названной шкалой Бине — Симона.

Встреча в Париже с Эдуардом Клапаредом (Claparède; 1873–1940), ведущим специалистом по прикладной и педагогической психологии, основателем Института Ж.-Ж. Руссо в Женеве ((l'Institut J.-J. Rousseau de Genève, Швейцария) — признанного международного центра экспериментальных исследований в области детской психологии, стала жизнеопределяющей для Елены Антиповой. Влияние новаторских взглядов и подходов швейцарского мэтра на русскую студентку было столь велико, что в сентябре 1912 г. Антипова переехала из Парижа в Женеву для учебы в возглавляемой Клапаредом Школе педагогических наук (L'Ecole des sciences de l'éducation). С этого момента в лице швейцарского ученого Антипова на всю жизнь обрела научного патрона, учителя, коллегу и друга¹⁵.

Почти пять лет Елена провела в Швейцарии. Она возвратилась в Россию в самый канун революционных потрясений — в 1917 г., чтобы организовать лече-

¹⁵ Переписка Е.В. Антиповой и Э. Клапареда только что опубликована, см.: Edouard Claparède, Hélène Antipoff. Correspondance (1914–1940) / Ed. M. Ruchat. Florence, 2010. Об истории женевской психологической школы см.: Les laboratoires de l'esprit. Une histoire de la psychologie à Genève 1892–1965 / Ed. M. Ruchat, M. Ratcliff. Lausanne; Genève, 2006.

ние отца, получившего тяжелое ранение на фронте Первой мировой войны. Здесь, в Петрограде, она встретила и свою любовь — мужем Елены Антиповой стал известный литератор и журналист Виктор Яковлевич Ирецкий, а в 1919 г. у них родился сын Даниил.

В первые годы советской власти Елена Антипова была востребована профессионально и оказалась на «передовой» педологии и экспериментальной психологии — в Центральном карантинно-распределительном детском пункте Наркомпроса в Петрограде¹⁶. Под нужды этого учреждения, куда попадали дети-сироты, беспризорники, социально нуждающиеся, сначала была отдана гостиница «Европейская», а затем — помещение бывшего Императорского Александровского лицея на Каменном острове. В 1921 г. в пункте побывал знаменитый британский фантаст и общественный деятель Герберт Уэллс (Wells; 1866–1946), который особо отметил персонал пункта — «людей, политически неблагонадежных или открыто недовольных новым режимом, но желающих, тем не менее, служить России». Восхищаясь их самоотверженным трудом, сочетавшим высокую образованность, преданность избранному делу и гуманность по отношению к ближнему, писатель отметил, что они работали здесь «с чистым сердцем и спокойной совестью»¹⁷. Креативность «бывших» способствовала и тому, что именно в этом распределительном пункте один из учителей Александр Александрович Брянцев (1883–1961) создал театральный кружок, который впоследствии перерос в известный Театр юного зрителя. Будучи психологом-обследователем пункта, Елена Антипова также активно и творчески служила детям и новой науке, а схему и методику его работы, свои «полевые наблюдения» обобщила в докладе на петроградской конференции работников детских домов в 1923 г.¹⁸. Читая этот текст сегодня, понимаешь, сколь напряженным физически, тяжелым морально и одновременно многофункциональным и профессионально отточенным был ежедневный труд психолога-практика Антиповой.

В это же время научные интересы приводят ее в первую в России Лабораторию экспериментальной психологии под руководством одного из лидеров российской экспериментальной педагогической психологии и педологического движения Александра Петровича Нечаева (1870–1948)¹⁹. Лаборатория была уникальной в том смысле, что в ней занимались проблемами изучения ребенка. Здесь исследовались особенности внимания и умственной усталости учеников, скорос-

¹⁶ См.: Румянцев Н.Е. Обзор новых экспериментальных исследований по психологии мышления у детей школьного возраста // Педагогическая мысль. 1919. № 1. С. 21–24; Маклецов А.В. Борьба с детской беспризорностью в СССР. Прага, 1927. С. 3–34; Баранов В.Ф. Педологическая служба в советской школе 20–30 гг. // Советская педагогика. 1990. № 3. С. 94; Головизнина М. Генеалогия социального контроля противоправного поведения несовершеннолетних в пенитенциарном учреждении в России // Нужда и порядок: История социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 314.

¹⁷ Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1959. С. 59–60.

¹⁸ См.: Е. Антипова. О психолого-педагогическом обследовании детей // Трудовая школа: Педагогический сборник. Пг., 1923. № 4/5. С. 86–94.

¹⁹ Подробнее см.: Романов А.А. А.П. Нечаев: у истоков экспериментальной педагогики. М., 1996; Нечаев А.П. Психология и школа: Избранные психологические труды. М.; Воронеж, 1997.

ти их умственной работы в разных возрастах, проводился психологический анализ сочинений школьников. Отдельное направление деятельности лаборатории было связано с анализом влияния Гражданской войны на психическое развитие детей²⁰. Именно в лаборатории Нечаева активно разрабатывались и применялись различные методики психологического тестирования детей — одно из приоритетных направлений прикладной психологии того времени, широко использовавшиеся во всех ведущих странах мира в процессе профессиональной ориентации молодежи и населения в целом²¹.

Трудная, но профессионально насыщенная петроградская жизнь Елены Антиповой была прервана в 1922 г., когда ей впервые пришлось непосредственно столкнуться с трагедией вынужденной эмиграции. Осенью 1922 г. ГПУ арестовало и затем приняло решение о высылке в Германию ее мужа, В.Я. Ирецкого. В отличие от жен других высылаемых, безропотно принявших чекистский вердикт и последовавших за мужьями, Антипова обратилась в ГПУ с решительным по тону заявлением о невозможности эмиграции вследствие «отсутствия средств» и причастности к «новому, полезному для страны делу» (работа в пункте) и не менее решительной просьбой отпустить арестованного Ирецкого на две недели домой для сборов и прощания²². Она добилась этой отсрочки, а сама оставила Россию только в 1924 г., отправившись с пятилетним сыном Даниилом к мужу в Берлин (Германия). Однако совместной жизни не получилось, и уже через год Антипова уехала в Швейцарию, надеясь на помощь и содействие своего учителя Э. Клапареда.

Интеграция Елены Владимировны в хорошо известную ей научную и социальную жизнь Женевы была быстрой и в целом удачной, а работа в Институте Ж.-Ж. Руссо увлекала и открывала новые научные горизонты. В эти годы Антипова подготовила и опубликовала целую серию статей в крупнейших психологических журналах Швейцарии — «Archives de Psychologie» и «Intermédiaire des Educateurs»²³. Между тем бытовая сторона ее жизни была далека от идиллической. Письма Антиповой мужу в Берлин полны горьких признаний: «Пишу Вам на открытке, потому что на письмо не хватило денег...»; «Устаю от работы страшно...»; «Поседела и постарела на несколько лет...»²⁴.

Решение проблем пришло, откуда не ждали: в 1928 г. в Женеву приехал доктор Алберто Алварес из Бразилии, который подбирал научный персонал для только формировавшейся национальной системы педагогической и психологической поддержки детства. И в 1929 г. Елена Антипова принимает приглашение правитель-

²⁰ См.: Марцинковская Т.Д. История детской психологии. М., 1998.

²¹ Развитие отечественной тестологии было прервано постановлением ЦК ВКП (б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Под запретом оказалась наука о ребенке — педология, а с ней и тесты, которые были отнесены к разряду вредных методов.

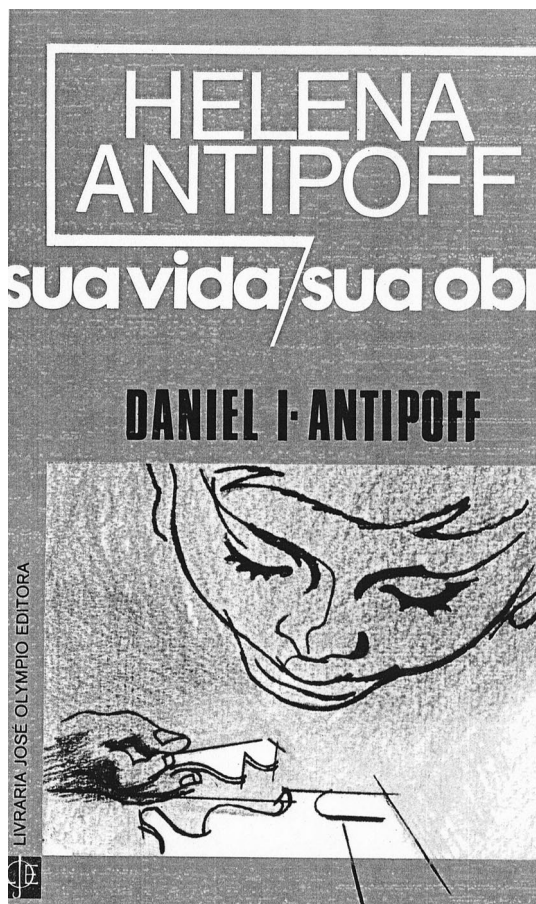
²² См.: Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ: 1921–1923. М., 2005. С. 242–243.

²³ Избранную библиографию работ Е.В. Антиповой см.: Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX — первая половина XX в. / Авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 221. Л. 24.

ства Бразилии и отправляется за океан. Двухгодичный контракт неожиданно обернулся многолетней миссией: «Вот вам и судьба — всегда бывало так, что я заползала на необитаемый остров, в котором чувствую себя в одиночестве владелицей части земного шара»²⁵.

В 1930-е гг. Бразилия энергично изменяла свой традиционный политический и экономический уклад, а также кардинально реформировала систему образования. Е.В. Антипова стала одним из первых психологов-практиков в этой новой системе. Вместе с коллегами из других стран она практически с нуля приступила к организации психолого-педагогической подготовки учителей для работы с детьми разных психологических категорий в штате Минас-Жерайс. Одновременно европейские специалисты начали регулярные массовые психологические обследования бразильских детей. Приехав в Бразилию интеллектуально тестировать (и учить этому других), отсеивая неспособных и выявляя интеллектуально одаренных детей, ибо таков был первичный социальный заказ, Елена Антипова существенно видоизменила поставленные перед ней прямолинейные задачи селекции и отбора гуманистическим контекстом и профессиональной приверженностью идее компенсаторного обучения. Ей удалось убедить и бразильские власти, и местное общество в возможности и необходимости создания образовательных условий для роста и развития не только талантливых детей, но и «отстающих». Она создала целую сеть образовательных учреждений для детей со специфическими потребностями (как одаренных, так и нуждающихся в коррекции) и оказала огромное воздействие на формирование ментального здоровья нескольких поколений новой Бразилии.

Обложка книги Д.В. Антипова-Ирецкого, посвященной матери:

«*Helena Antipoff: Sua vida, sua obra*»
(«Елена Антипова: труды и дни»).

Рио-де-Жанейро. 1975 г.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 221. Л. 115–116.

Несомненно, масштабная организационно-образовательная практика в чужой культурной и языковой среде стала возможна благодаря тому, что в научной биографии Елены Владимировны Антиповой причудливо соединились русско-европейское психологическое образование в духе функционализма Э. Клаппареда и естественного эксперимента А.Ф. Лазурского и идеология «борьбы за просвещение и правду» А.П. Нечаева; опыт психологических наблюдений за детьми в разных культурах, благополучных и кризисных, в революционных обстоятельствах жизни, домашних и детдомовских условиях и многолетние научные и практические изыскания в области психотехники и интеллектуального тестирования, в частности исследования детских умственных способностей.

Как истинный ученый, Елена Антипова имела мечту. В ее случае это была мечта о педологическом музее: «...создание Музея ребенка — это моя давнишняя мечта... Есть всякие музеи... но нет Музея, где наглядно было бы представлено, как развивается ребенок...»²⁶ Работа в Бразилии — фактически в экстремальных для русского человека природных и социально-культурных условиях — тем не менее позволила Е.В. Антиповой реализовать многие научные идеи и проекты.

Как подлинный творец, эта женщина была космополитична, и в этом смысле смела и авантюрна: «Ничто так не близко моей натуре, как чувствовать себя свободной в пространстве и не знать межстранных границ»²⁷. Все это — высокий дух, профессионализм и гуманизм, русская научная судьба, образ самозабвенной матери — досталось Бразилии. «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана», — писала Елена Владимировна в одном из писем мужу в 1929 г.²⁸

Публикуемые ниже письма Е.В. Антиповой мужу — своего рода роман, читающийся на одном дыхании. В первую очередь это личная сага — сага отношений, драматических и дружеских одновременно. Разъединившись не по своей воле, Елена Антипова и Виктор Ирецкий уже никогда не были вместе, но впоследствии уже по воле собственных желаний и убеждений хранили, однако, верность друг другу как родители и неизбежно близкие люди, оставаясь в регулярной переписке вплоть до последних дней Ирецкого.

Одновременно эти письма — дневник матери, не менее драматичный и чувственный, с одной, житейской стороны, и весьма критичный и глубоко анализирующий, с другой стороны, поскольку это еще и дневник матери-психолога. Ценой долгой разлуки с родителями сын Антиповой и Ирецкого Даниил получил хорошее образование во французском коллеже «Бовалон» («Beauvallon»), известном своими новаторскими идеями в образовании и скрывавшем в годы Второй мировой войны на своей территории еврейских детей. Однако уже с 10-летнего возраста Даниил практически не писал на русском языке и использовал преимущественно французский и португальский языки. Он прожил всю жизнь рядом с

²⁶ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 221. Л. 58–59; см. письмо 4 наст. публ.

²⁷ Там же. Л. 21.

²⁸ Там же. Л. 61–63.

матерью, в Бразилии, работая психологом, педагогом и агрономом, и скончался в 2005 г.

Известный американский психолог Гордон Олпорт (Allport; 1897–1967), благодаря своему эклектическому научному подходу к изучению личности человека так и не ставший сторонником той или иной психологической школы или концепции, в собственной теории личности место ядра отводил мотивам деятельности человека. В одной из своих научных работ он предложил перечень мотивов создания личных документов автобиографического характера. Что может руководить вами при написании личного письма? — Мотивы самооправдания, самовыражения, склонность к порядку и учету, склонность к литературному творчеству, потребность обдумать жизнь, освобождение от душевного напряжения, покаяние, желание увековечить себя, научный интерес и др.²⁹ Письма Е.В. Антиповой — именно такая гремучая смесь мотивов, определяющих «многовалентность источника», по меткому выражению С.О. Шмидта³⁰.

Несомненно, эпистолярный Е.В. Антиповой достоин отдельного полного издания. Для данной публикации отобраны фрагменты восьми писем, наиболее объемные по концентрации биографического материала и личностного наполнения. Они охватывают три этапа жизни психолога: петроградский (конец 1922-го — начало 1924 г.), женеvский (1926–1929 гг.) и бразильский (август 1929-го — 1934 г.). Кроме того, публикуется письмо Е.В. Антиповой сыну — Даниилу Викторовичу Ирецкому-Антипову.

Письма публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации. Раскрытия сокращенных слов, имеющих единственно возможное прочтение, не оговариваются. Восстановленные слова и части слов как предположения заключены в угловые скобки.

Приносим самую искреннюю благодарность работникам читального зала РГАЛИ, в частности Д.В. Неустроеву, чье профессиональное содействие очень помогало нам в работе.

²⁹ См.: *Логинова Н.А.* Биографический метод в свете идей Б.Г. Ананьева // *Вопросы психологии.* 1986. № 5. С. 104.

³⁰ *Шмидт С.О.* Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины // *Развитие советской исторической науки. 1970–1974. М., 1975. С. 347.*

І. ИЗ ПИСЕМ Е.В. АНТИПОВОЙ В.Я. ИРЕЦКОМУ

1

<Не ранее конца января 1924 г., Петроград>

<...> Доник¹ диктовал сегодня Вам письмо, но оно вышло так нелепо, что, боюсь, цензура усмотрит в этом несвязном детском лепете что-нибудь вредное и не пропустит его к Вам.

Дело в том, что Доня зарекомендовал себя как ярый коммунар. Смерть Ленина, со всеми относящимися к этому событию торжествами и обрядами и разговорами, сильно повлияли на его пятилетний мозг.

В его представлении умер действительно какой-то герой, спаситель людей; почти со слезами на глазах через день после похорон он заявил, что поедет в Москву. Выроет могилу, извлечет оттуда Ленина за руки и спасет его. То же проделает он с Петром Великим — и сведет их вместе: «Пусть познакомятся оба царя».

Похороны были настолько торжественны, что, думаю, они глубоко запали всем, и особенно на всю жизнь — малолетним. Перечитывая письма, которые дети моей группы писали из карантина своим родным и знакомым, вижу, что каждый из писавших в те дни заканчивал как бы по уговору свое письмо следующими словами: «Ленин умер». Темой Дониных разговоров, его свободных песен и каких-то импровизированных монологов, которые у него частенько выливаются наружу, — все Ленин, Ленин и Петр Великий (были с ним в Эрмитаже, где он видел гробницу и трон последнего). <...>

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 99–102.

¹ Здесь и далее: Доня, Доник, Данилка — Даниил Викторович Антипов-Ирецкий (1919–2005), сын Е.В. Антиповой и В.Я. Ирецкого.

2

<Не позднее весны 1924 г., Петроград>

Дружочек мой, весна сегодня!

<...> И очень потянуло к Вам: хочется прижаться к вашему телу, пококетничать с Вами, потереть Вас — особенно, если Вы находитесь в важном, заботливо деловом настроении, — а то тогда особенно хочется Вас растормошить, позлить немножечко, а потом все же добиться Вашей улыбки и безопасности.

Ах, да... совершенно случайно набрела на одно из многочисленных писем Вашей юной поры, причем среди них страшное количество одной определенной корреспондентки — простите, 2–3 письма прочла... А одно из них — копию Ва-

шего письма к ней, простите, захватила даже с собой и оно лежит в моем словаре. Обращения нет, впрочем, есть, но неразборчивое, что позволило мне мысленно проставить свое имя и вышло так, как будто оно обращено ко мне — вышла полная иллюзия, которая меня даже не на шутку взволновала. Да, сударь мой, это весьма симпатично. Не могу пожаловаться, что Ваши письма были сухие, нет, они даже незаслуженно милы и заботливы, но дистанция, конечно, громадного размера.

Пишу коряво; хочется очень Вас видеть вот сейчас сию минуту. Ну, чтобы Вам прийти сюда — если бы в кресло «мамино», я бы уселась у Вас на коленях и стала бы Вам рассказывать всякую небылицу и быль былую. Ну, позвольте нежно-пренежно прижаться к Вам, влажными губами прикоснуться к Вашим и вообразить в себе разливающуюся по телу теплую волну.

Когда же Вы вернетесь? Когда же начинать хлопоты — не тогда ли, когда поседеют наши волосы, не поздно ли будет тогда?

Виктор Яковлевич, сейчас остро чувствую Ваше отсутствие и тоскую по Вам.
<...>

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 106.

3

31 декабря 1928 г. <Женева, Швейцария>

<...> А теперь вот что имею Вам сообщить: мой отъезд в Бразилию! Это решенное дело, по крайней мере, на бумаге. Если хотите, до завтрашнего дня я еще свободна, но в 2 часа завтрашнего дня я подписываю контракт на мою работу там на 2 года.

Посудите, правильно ли я сделала: приглашают меня по моей специальности — лекции по экспериментальной и детской психологии в учительский институт (женский); обследование детей начальной школы для распределения по различным классам (одаренных, неодаренных детей); организация педологического музея; редактирование педагогического бюллетеня — оба последних учреждения являются концентрированием и результатом двух первых деятельностей.

Как видите, в работе нет ничего фантазмагоричного. В течение последних 18 лет я не переставала заниматься тем же.

Что до вознаграждений, то вот они: поездка туда и обратно в 1 классе (деньги на дорогу оставляют на мне или в Швейцарском банке). Ежемесячный оклад — 2000 швейцарских франков.

Вы спросите, насколько серьезно предложение? — Контракт составляется между мной и бразильским правительством, с нотариальными формальностями и в Бразильском консульстве в Женеве. Второе обстоятельство тоже заставляет думать, что дело серьезно: этим же представителем одновременно приглашается

ряд других сотрудников из Бельгии, Австрии, Франции — в частности, из Парижа едет на 3 месяца Dr Simon¹, тот самый, с которым мне пришлось работать в свое время в Париже.

Чего еще бояться? Самый представитель производит впечатление человека серьезного, дельного и идеалистически настроенного — в том смысле, что он верит в наше и свое образование, свою страну, депутатом которой он был несколько лет тому назад, хочет поставить на должную высоту.

Какие есть у меня основания отказать в этом столь лестном для меня предложении? Я насчитываю лишь одно: боязнь нового, но таковой я не знаю, и если да, то лишь в слабой степени, недостаточной для того, чтобы она была помехой.

Каковы основания принять предложение: кроме интереса научного, широкой свободы, организации, главным образом материальные. Эти два года позволят мне, во-первых, обеспечить мать мою и сестру, то, что я здесь при мизерном моем жаловании сделать не смогу. Во-вторых, дать Доне приличное образование, особенно музыкальное; в-третьих, отложить про черный день. В-четвертых, более нечто такое неожиданное: помочь и Вам, и вот каким образом. На собранные деньги можно будет завести скромную там, в Бразилии, ферму, которая сможет стать источником некоторых доходов. Ваша жизнь еще не кончена. <...>

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 43–44.

¹ *Симон* (Simon) Теодор (1873–1961) — французский психиатр, психолог, руководитель Педагогической лаборатории в Париже, один из авторов всемирно известной шкалы измерения интеллекта (шкала Бине — Симона).

4

12 августа 1929, Атлантический океан

Подъезжаем к берегам Бразилии; к вечеру, вероятно, будем в Rio, а завтра или послезавтра — в Bello Horizonte¹. О немногих своих узнаете из письма к Доне. Очень занимают меня Ваши впечатления, как-то уживаетесь во Франции с моими, с Доником. Жду от Вас подробного письма. Как нашли Доника? Изменился и в какую сторону с прошлого года, какие в нем заметили недостатки, какие вообще появились новые черты. Ведь Вы должны ясно видеть перемену, каждый штрих новый должен чрезвычайно выпукло выступать.

А сами Вы как, отдыхаете ли? Примірились ли с Францией, берете ли с мамой уроки французского языка? Жаль, что не удалось мне отсрочить мой отъезд до 22-го. Но боялась, как бы не вышли осложнения. В San-Paulo <пробудем> дня два, вероятно, а там и в Bello Horizonte. Очень неприятно для меня то обстоятельство, что там находится одна швейцарка из Женевы, выжившая из ума старуха, которая почему-то, судя по словам Вальтера², решила меня изводить.

Вы спрашивали о моей работе в Bello Horizonte, но я все Вам уже писала в Берлин, насколько помнится, а Вы как-то не так поняли.

В Bello Horizonte (губернский город Minas Geraes) с февраля этого года открылись для учительниц двухгодичные курсы совершенствования. Первоначально думали класс им дать чисто педагогический (дидактический характер). Когда же представитель их побывал в Европе, то, кроме рисования, лепки и разных прикладных предметов, решил, что им нужна и психология, и обследование детей в школах, и всякие экспериментальные пряности и мудрости. Это, очевидно, под непосредственным влиянием Института Руссо и, в частности, моих занятий с нашими учениками. Кроме лекций по экспериментальной психологии и закупки у Циммермана³ в Германии приборов на несколько десятков тысяч для лаборатории при школе (Escola da Perfeitamento) и по психологии ребенка, мне предстоит, и, по-моему, это наиболее интересная задача, исследовать бразильянских детей по всему штату M<inas> Ger<aes> для установления норм физического и психического развития. Отсюда чрезвычайно интересные могут быть сопоставления с развитием детей других стран, народов, рас, социальных условий воспитания и т. д.

Все исследования по контракту должны периодически быть опубликованы в местном журнале министерства народного просвещения (вероятно, организуют специальный Bulletin школы).

Кроме того, и вот это еще интереснее: создание Музея ребенка — это моя давнишняя мечта, которую надеюсь привести в исполнение. Есть всякие музеи, как Вам известно, и рыб, и птиц, и даже плохого вкуса, но нет Музея, где наглядно было бы представлено, как развивается ребенок, какие могли быть отклонения, в положительную и отрицательную стороны. В этом музее можно присоединить всё относящееся к ребенку и к его воспитанию — законы юридические, относящиеся к преступлению и к детскому наказанию; громадный отдел, посвященный воспитанию и образованию. Пока постараюсь собрать все, относящееся к истории методов в Бразилии, а потом и в других местах. Другой большой отдел — это детское чтение, книги, а через это к детским интересам. Если будут соответствующие сотрудники, помощники и средства, то дело удастся, надеюсь. Видите, работа сулит быть интересной.

Пароход начинает страшно качать и трясти. Всего доброго. Храните Данилку моего маленького. <...>

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 58–59.

¹ *Белу-Оризонти* — административный центр штата Минас-Жерайс (Бразилия).

² *Вальтер* Лев Густавович (1889 — не ранее 1938) — русский эмигрант, психотехник, коллега и приятель Е.В. Антиповой по Женеве.

³ Знаменитая немецкая фирма, изготавливавшая оборудование для психологических учреждений. Располагалась в Лейпциге.

<5 декабря 1930 г., Бразилия>

<...> Получили ваши письма, которые ввиду революционных событий пробыли в дороге больше месяца¹.

Пока все обошлось благополучно, несмотря на 5-дневный бой, где мы жили под сплошным свистом пуль, летящих сверху, снизу, с боков, никто не был задет... Других же судьба не пощадила: в большом отдалении от центральных действий, куда пули залетали сравнительно редко, оказалось немало раненых и даже убитых... Первое действие революционной трагикомедии закончилось, сейчас мы переживаем второе и как будто начинается и третье, так называется строительство, которое находится в руках, можно сказать, молодежи, идеалистически настроенной, но с малым государственным опытом. Их ошибки уже дают себя чувствовать, и потому после торжественных шествий и чествований «героев революции» начинается их критика, развенчивание и недовольство различных слоев.

Была проведена <отмена> зачетов университетских — без экзаменов — переход на последующий курс или даже заканчивание курса исключительно на основании посещения. Если студент посетил нормально лекции, то без всяких проверок и экзаменов он автоматически переходил на следующий курс. Эта мера показала слабость нынешних правителей, не только не сумевших противостоять требованиям ленивой развращенной молодежи Rio de Janeiro, но заставивших принять эту меру и другие университеты. Совет здешнего университета хотел сохранить свою автономию — решил противостоять требованиям молодежи и декрету, шедшему из Rio, — в результате получилась свалка — студенты бросали тухлыми яйцами в профессоров и ректоров, выстрелы, убившие одного студента и ранившие нескольких, сжигание студентами профессорских автомобилей и проч. В San-Paulo дело серьезнее еще — заигрывание не только со студентами, но и с рабочими — в результате угроза коммунизма и хозяйственной разрухи — неспокойно в Бразилии, но где теперь спокойно?

Говорят, Кассини, известный астроном, открыл пятна на Юпитере — кровавые пятна². Этому суеверные люди приписывают все нынешние бедствия — землетрясения, наводнения, революции и войны...

Приезжал в Бразилию в середине сентября <...> Клапаред, к несчастью, попал во время революции. Застрял здесь, в Bello Horizonte, на целый месяц больше того, что предполагал; чувствовал себя здесь неважно, так как впервые пришлось испытать революционный режим. К счастью, ничего непоправимого с ним не случилось (чуть-чуть пуля его задела), и он благополучно вернулся в Женеву. <...>.

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 76–77.

¹ Имеется в виду острый политический кризис в Бразилии в 1930 г., последовавший за экономическим кризисом 1929 г.

² Большое красное пятно на Юпитере открыто в 1665 г. итальянским астрономом Джованни Кассини (Cassini; 1625–1712).

6

3 ноября 1929 г. <Bello Horizonte>

<...> Minas — один из наиболее красивых, живописных и богатых бразильских штатов. Красоты здешнего пейзажа, гор, растительности или степей и дальних горизонтов — изумительных — и лично для меня серьезно компенсируют тоску и разлуку по сыну, по Европе, по культурной жизни.

Эти два дня я имела громадное удовольствие проскакать на чудных лошадаках бразильяньских около 30 километров верхом. Первый раз в моей жизни — вот еще удовольствие, которое в городах европейских не имеют, а здесь скачи, сколько твоей воле хочется.

Вот как можно любоваться природой — ни на автомобиле (мчится как сумасшедший, пылит, гремит), не пешком (где большие перевалы утомляют, да ход сам слишком много сил берет), ни велосипед, а именно на спине лошади. Едешь и любишься!

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 61.

7

15 января 1931 г. <Bello Horizonte>

<...> К сожалению, не только Вам Доня стал мало писать, но и меня забросил. Правда, что у него теперь несравненно стало больше занятий: к прошлым добавилась латынь и английский язык, которым он занимается ежедневно, готовясь по курсу college. К тому еще другое, маленькое обстоятельство, тормозит его переписку: он перешел на новый шрифт письма. Его несколько оригинальное письмо, почерк — не по правилам college'a и потому мальчонка на 12-м году жизни переучивается писать, слитно, по-новому. Это его раздражает на первых порах, пока не автоматизируется рука. Надо надеяться, что вскоре он одолеет и станет писать охотнее.

После поездки его и солнечных бразильских каникул — он тоже несколько отвык от дисциплины и занятий, и вначале, по приезде, не все шло гладко, как пишет М. Soubeiran¹. Теперь жизнь его вошла в колею, и он делает заметные будто бы успехи как в поведении, так и в работе. Дай-то бог!

В будущем учебном году Данилка либо поступит в college в Montelimar интерном (?), либо еще пробудет год в Beauvallon, если там будет достаточно детей старшего возраста.

Насчет летних каникул еще ничего неизвестно, во всяком случае, я его сюда не буду звать — быть может, сама приеду погостить в Европу, если продолжу свои занятия здесь.

Пока в Бразилии, после переворота, жизнь еще не вполне устоялась — всюду идут сокращения отчаянные — многие люди на улице и потому, возможно, что и нашу школу придется им закрыть.

Работаю по-прежнему усиленно — несмотря на каникулы, занятий довольно много. Готовлю к печати новую работу об умственном развитии здешних детей. Печатаю не потому, чтобы очень хочется, а потому, что обязана это делать по контракту (печатать результаты исследований). К этому еще прибавляется желание показать ученикам, как на основании наших анкет, тестов и всяческих измерений можно использовать данные для научных выводов. Это своего рода педагогический прием, стимулирующий пример, благодаря которому ученицы мои всегда готовы пожертвовать и временем своим, и, быть может, интересами, чтобы добыть мне как можно больше и лучше необходимые данные. Когда публикуешь их — когда обнародуешь результаты, касающиеся их, бразильских детей, то они видят, что измерения и исследования наши не просто *a blanc*², а они служат на что-то, и что ответственность за доброкачественность я возлагаю на их самих.

Не знаю, правы ли Вы, истолковав это желание производить, строить, писать, как нечто подобное тому, что мы ощущаем, когда хотим иметь детей, видя в том и другом проявление склонности к бессмертию.

Раньше, чем думать о будущем и жаждать бессмертия, мы еще инстинктивно ищем <способ> расширить свое «я», вынести его наружу, утвердить себя в собственных своих глазах и в глазах других. Светский человек выносит свое «я» в костюмах (подумайте о щеголе, который, надев на себя цилиндр, воображает, что он на целую голову выше других), богатый — в видных палаццо, в шикарных Rolls-Royce и т. д. Бедный дает о себе знать в том, что ему под силу, т. е. напрягая свою мысль и выжимая из мозга то, что он может. Все, что скорей можно подвести под категорию *tendance a la supériorité*, которая для Adler'а является главной пружиной для всей человеческой деятельности³. Стремление к бессмертию — всего лишь разновидность или продолжение этого основного стремления. Не думаете ли Вы?

Вы удивляетесь тому, что я в таких подробностях сообщаю сведения о Bello Horizonte — для кого это нужно и для чего? Во-первых, Bello Horizonte — городок новый, растет с каждым днем, и то, что характеризовало его пять лет назад, то уже не характерно сегодня. Бразильцы своей страны совершенно не знают, к тому <же> при громадных здешних расстояниях каждый штат, находясь в иных климатических условиях, представляет нечто совершенно *anagenesis*⁴ как в смысле рас, <так и> в смысле условий цивилизаций, воспитания, обучения нравов — чтобы истолковать по-должному всякое психологическое проявление, всякое поведение — нужно ясно дать понять все эти условия: земля, человек, дела. В таком порядке представленные вещи значительно облегчают дальнейшие выкладки, касающиеся истолкования психологических данных, так как извне являются предпосылками для вторых заключений.

Живя в Центральной Европе, мы думаем, что только и существуют люди, говорящие и понимающие французский, немецкий, английский язык. Мы забываем, что существует еще целый громадный мир, например, Южная Амери-

ка, где люди интеллигентные, хотя и знают французский язык в большинстве случаев, но думают и производят на португальском и близком к нему испанском языке...

Сейчас, исследуя умственное развитие здешних детей, получаю интереснейшие данные, сравниваю его с тем, что мы знаем о нем среди европейских и североамериканских детей. Наши тесты, в конечном итоге, не столько исследуют умственную натуральную одаренность, сколько степень той цивилизации, <в> которой развивается и зреет ребенок. Конечно, особо одаренные дети или обиженные судьбой с рождения мыслимы вне среды. Но средний человек — это такое зеркало окружающих условий, что достаточно узнать, что такой ребенок — сын каменщика, сапожника, шофера, монтера, адвоката или инженера, что можно с небольшой ошибкой сказать, что он знает и что он может. Зная условия цивилизации Бразилии, того или иного квартала Bello Horizonte или даже Парижа, уже имеешь верные данные для определения того, что нужно таким или другим детям, в той или иной школе. Это все банально, несомненно, но назначение науки именно заключается в том, чтобы вывести это банальное знание в нескольких простых законах, комбинация которых позволяет провидеть со значительной точностью целый ряд более сложных явлений. — Наскучила? — Вы пишете об Aleijadinho — очень хорошо, что использовали его, только произносится его имя не по-испански, а по-португальски Алейжадиньо⁵.

Настрочила Вам громадное послание — не знаю, справитесь ли с моим почерком.

Всего доброго, Е. В.

Ваши фурункулы, наверное бы, вылечил здесь какой-нибудь колдун-негр, знахарь (feiticeiro), своими дьявольскими заклинаниями.

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 80–82.

¹ Суберян (Soubeyran) Маргерит (1894–1980) — основательница французского коллежа «Бовалон», где учился Даниил Антипов-Ирецкий. Ученица Э. Клапареда, у которого в 1927 г. стажировалась в Женеве. Подробнее см.: *Ruchat M. Engagement social et esprit de l'éducation nouvelle* (1929–1940): Marguerite Soubeyran, Hélène Antipoff et Edouard Claparède // *Histoire de l'éducation nouvelle. Les études sociales*. 2007. № 145. P. 7–18.

² Пустой (*фр.*).

³ Имеется в виду одна из основных категорий индивидуальной психологии австрийского психолога Альфреда Адлера (Adler; 1870–1937) — стремление к превосходству.

⁴ Прогрессирующее, изменяющееся (*греч.*).

⁵ Алейжадиньо (Aleijadinho, букв. — маленький калека; прозвище Антонио Франциско Лисбоа, Lisboa; 1730 или 1738 — 1814) — скульптор и архитектор бразильского происхождения. Известен своими проектами церковных зданий в Бразилии.

21 февраля 1930 г., Bello Horizonte

<...> Очень давно Вам не писала. По причинам и без причин. Часто получая Ваши письма, мне именно не хочется отвечать: что-нибудь в них не понравится, заденет, и отложишь письмо подальше, чтобы о нем не думать. Так, в последнем письме было многое, что не соответствовало действительности, обвинения, в частности, в антисемитизме, ни на чем не основанное, — все это не хотелось обсуждать.

Вы не поняли ни моего письма, ни моих опасений на Данин счет. Вы закрываете глаза на то, что, к сожалению, существует не только в Северной Америке, где отношение к расовым различиям возведено до чудовищных размеров, но даже во Франции. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть такой роман (к сожалению, точное название и автора не могу вспомнить, чтоб его Вам указать), как, кажется, <...>¹, который вышел года два тому назад приблизительно и в котором автор, может, с некоторым преувеличением, даже с несомненным, выводит чисто погромное настроение в среде французской молодежи, в жизни лицеистов, обыкновенных французских буржуа. Я ведь в письме моем сообщила «отцу» лишь опасения, скорбь матери, сознавая, что ребенку их предстоит <почувствовать> в жизни, может быть, однажды лишь всего, а может быть, и чаще, в зависимости от того, во что разовьется его личность: в сильную ли независимую, которая все победит, или в среднюю, или слабую, которая больше будет чувствовать малейшие уколы злого общества. В этих вопросах расовых различий у большинства людей есть определенные симпатии и антипатии. У некоторых эти отношения доведены до идиосинкразии, часто ни на чем логическом не основанной, как не основаны большинство наших аффективных отношений. Тем не менее они существуют. Вы, упрекая меня в антисемитизме, говорите, что только к евреям я и чувствую различия. Вы забыли мое отношение к немцам; для меня жить в Германии — страдание, в каждом немце или немке, с которыми мне приходилось встречаться, я чувствую что-то непреодолимо противное. Это чудовищно — узко, нелепо, отвратительно, но ведь это так, я могу побороть это чувство на поверхности, но в глубине оно всегда с детства и поныне существует. Если бы пришлось выбрать для каких-нибудь паспортных соображений, поставить ли Елене Антиповой — еврейка или немка, ни на минуту бы не задумалась поставить первое, потому что лично для меня, для моего отношения слово «еврейка» так же мало имеет аффективного, как англичанка, шведка и т. д. Так как в этом слове «немка» — есть что-то, в глубине меня неприемлемое. Какая-то идиосинкразия. Подобную идиосинкразию чаще именно наблюдать не к немцам (разве что у французов, где немец — слово часто ругательное), а к евреям. Сейчас, например, наблюдается негативное отношение к русскому — прочтите Оссендовского², ведь в каждой его книге, как только он заговорит о русском, так сейчас же вы найдете целый поток самых язвительных эпитетов, чувствуется в них самая глубокая ненависть, неприемлемость как чего-то, что обладает дурным запахом, и от которо-

го надо поскорее отвернуться. На днях прочла последнюю книгу французского писателя Oudard «La vie de Pierre le Grand»³ — подобная же идиосинкразия. В этом отношении есть преувеличение, но преувеличение черт, которые действительно, может, существуют в русском народе, в русских. Как Ossendovsk'ого, так и Oudard'a я прочла с душевной болью, удивленная. Но интересно, что до тех пор, пока к русским не было особенного отношения, для меня лично вопрос моей национальности меня мало интересовал, теперь наоборот. Я охотно и громко говорю, что я русская, чтобы не могло быть ни малейшего сомнения на счет моей национальности (здесь меня принимают за швейцарку, за француженку) — неприятно было прочесть в одной здешней газете: «a grande educadora suissa»⁴. Очень жалела, что этот преувеличенно хвалебный эпитет не был связан с русским происхождением. Согласна с Вами, что все эти вопросы, связанные с национальностью или расой, — не высокого полета, можно пройти мимо них и искать тем общечеловеческих, но для большинства людей, и для меня, есть в них что-то притягательное, а в патриотизме что-то аффективно-близкое. И не только культура делит людей, но и раса, несомненно, тоже, и национальность. Воспитанная в западной культуре больше, несомненно, чем в русской, я всегда и везде, кроме как в России, чувствую грань между мной и другими женщинами. Никакая логика не может побороть интуитивное сознание, ни даже отношение русских ко мне как к чему-то чужеземному. Эти мои собственные наблюдения я Вам привожу лишь по поводу Ваших слов: «но еврейская кровь — ... какая чепуха!» Точно чепуха говорить: славянская кровь! Почему если по внешним чертам тела нетрудно отличить славянина от латинянина, от еврея, то невозможно и абсурдно искать их внутренних, психических черт и различий темперамента.

Считаю чистоту крови, когда кровь с обеих сторон здоровая и неистраченная, — залогом более гармоничной личности. Мозаичность моей наследственности — чего только нет! — разве что нет еврейской крови — меня скорее угнетает: что имеет общего болгарский со шведским, французский с немецким и с русским характером: каждый тянет в свою сторону; хотелось бы лучше, чтобы была доминанта, которая укрепила бы определенные черты как телесные, так и душевные. Мой антропологический тип не имеет характера, а я бы не прочь была бы иметь более определенные черты лица и более характерную линию тела. В результате получается некоторая искусственность и в характере, и во внешности, так как, не имея, повторяю, доминант ярко выраженных, приходится намеренно выбирать и создавать себя, по своему усмотрению. <...>

Получила Вашу книгу⁵. Считаю ее несомненно слабее «Наследников»⁶. Кроме сильно напряженной главы с⁷ остальное мутно, бледно, разжижено. Герой Ваш понятен уже с первых страниц, и падение его прогрессивное предчувствуется уже читателем с первых трех-четырех глав. Контрастные типы пламенных и холодных особенно удачны в начале книги — в конце они слабее и менее интересны. Вся динамика книги в начале более отчетлива, поэтому интерес к книге, сильный в начале, слабеет с каждой главой и в конце становится скучно читать. Пошловатость некоторых страниц коробит. Умственная часть интереснее литературной, но для этого не надо было писать целого романа.

Простите мне мою откровенность. Но Вы просите мой отзыв, я его Вам и даю.

За роман я Ваш засела тотчас по получении. Вы знаете мой способ чтения: если книга захватывает, я ее читаю одним махом, если нет — я бросаю. Книга захватила вначале, потом все стало тусклее, и книгу отложила, потом почти с трудом достала, так как ведь надо же было прочесть. Не хотелось даже везти ее своим знакомым Ставровецким, которые сильно лакомы на все, что написано по-русски. Захватила с собой к ним во второй свой приезд: длинные вечера на *fasende*, чай подается поздно, разговоров у нас было много в течение двадцати дней и вечеров — я и решила представить Вас им в один из вечеров и почитать Вашу книгу: первый вечер прошел с громадным подъемом — закончила эпизодом со стариком-купцом. Чтение захватило и меня самую, и моих слушателей, которые, не проронив ни слова, с горящими глазами следили и за мыслями, и за фабулой, и за прекрасным языком. Благодарили меня, хвалили Вас, превозносили. Второй вечер — ожидая продолжения, только и ждали когда настанет возможность послушать. Но тон книги спал, точно вся ее сила ушла на начало и автор пишет нехотя. Реакция слушателей вместо восторженной стала спокойной, но еще выжидающей — «вот подождем, де, а там опять забурлит», но так ничего и не забурлило. Третий вечер тоже ничего особенного не принес. На четвертый день я уехала, оставив им книгу. Думаю, что дочитали ее сами. В будущую субботу еду к ним на Масляную, спрошу их мнение.

Я бы очень Вас попросила прислать им Ваших «Наследников» и «Похитителей огня». Свои оставила у Беляевой на чердаке в моем ящике. Обе они написаны и живее, и талантливее, по-моему, чем эта. Здесь несколько русских, которые жаждут прочесть русскую литературу. Ваши книги им доставят на далекой чужбине, я уверена, большое удовлетворение.

Не сетуйте на меня за мою неприкрытую критику. Знаете, каково мое мнение: если Вы будете продолжать писать в Берлине, Вы вряд ли дадите ход Вашему литературному дарованию, в Вас, вероятно, разовьется «умственная» философствующая часть. Вам нужен контакт с природой, с новым бытом, с чистыми традициями, чтобы снова оживить чисто литературную сторону, способную породить яркие образы и самобытность. Думаю, например, что поживи Вы в Провансе, у Вас, несомненно, что-то встрепенулось бы, и где-то в глубине запрятанное струны Вашего литературного дарования натянулись бы и зазвучали и чище, и определеннее. А то еще и Бразилия тоже не помешала бы Вам — побольше простора, не есть же одни немецкие, берлинские будни!

Разлука с Доней меня донимает не на шутку. Не фигурально, а действительно болит по нему сердце, точно его кто-то сжимает до боли, а это «кто-то»: мысль о Доне, тоска по нему. Если не удастся его повидать в конце этого года разлуки, то я брошу контракт и уеду в Европу. Более разумно было бы следующее: чтобы Доня приехал сюда на время его летних каникул. В школе у меня две недели перерыва от занятий — мы бы могли с ним повидаться и пожить вместе, а потом, если ему будет тоскливо одному, со мной в *Bello Horizonte*, я могла бы устроить его у Ставровецких (где бы он, кстати, учился русскому языку) в имении. Построив расписание своих лекций так, чтобы освободить субботу, я могла бы уже в пятницу вечером ехать к нему и возвращаться в понедельник утром — два часа езды от *Bello Horizonte*. Два с половиной дня в неделю мы были бы вместе. Поездка его в этом году снова

обойдется вдвое меньше, чем если бы он приехал в будущем, как я ему обещала. Потому что до 12 лет проезд на пароходе — полцены. Провел бы он здесь июль, август, сентябрь, а к началу октября, к началу занятий, снова вернулся бы во Францию, чтобы закончить свое начальное образование. Эти три месяца самые приятные, сухие и холодные в Бразилии, и климат ему не сможет повредить. Если не будет знакомых, чтобы провезти его на пароходе, — его можно будет посадить в Villefranche, поручив капитану парохода, того же самого «Julio Cesare». В Rio я приеду его встретить после его 11-дневного плавания. Пишу Вам о своем плане сейчас, чтобы узнать Ваше мнение. Каждое мое приближение обыкновенно вызывает в Вас самый бурный отпор, точно это какая-то чудовищная авантюра. На самом деле, здравый смысл меня не покидает. Не медлите с письмом, пожалуйста.

Получили ли триста марок, которые я просила Вам передать <...>.

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 67–71.

¹ Расшифровать название романа, написанное очень неразборчиво, не удалось.

² *Оссендовский* (Ossendovski, Ossendowski) Антоний Фердинанд (1878–1945) — химик, писатель, востоковед. С 1902 г. жил в России. Неоднократно арестовывался за революционную деятельность. Редактор журнала «Золото и платина» (1911–1917). Во время Гражданской войны в белом Омске; член Ученого совета Министерства сельского хозяйства правительства адмирала А.В. Колчака. Весной 1921 г. советник барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга. Бежал в Китай, затем в Японии и США. С 1922 г. жил в Польше.

³ Роман французского журналиста Жоржа Удара (Oudard; 1889–1971) «Жизнь Петра Великого» впервые издан в Париже в 1929 г. Считался «антирусским сочинением», так как Петр Великий изображен в нем дикарем, психически нездоровым человеком, трусливым и глупым, невежественным, невероятно жестоким и бесчестным. В дальнейшем Ж. Удар впервые опубликовал интимную переписку Екатерины II с Г.А. Потемкиным.

⁴ Великий швейцарский воспитатель (*порт.*).

⁵ Речь идет о романе В.Я. Ирецкого «Холодный уголь», изданном в Берлине в 1930 г.

⁶ Роман вышел в 1928 г. в Берлине.

⁷ Далее пропуск в тексте.

II. ПИСЬМО Е.В. АНТИПОВОЙ Д.В. ИРЕЦКОМУ-АНТИПОВУ¹

29 марта 1931 г., Bello Horizonte

Мой дорогой сын, через два дня, 11 лет назад, ты родился.

Каким счастьем это было бы для твоей матери и твоего отца: я представляла себе, что ты родился в день моей годовщины²; это было бы еще более радостно, чем праздновать два дня рождения вместе. Но ты пришел в этот мир немного позже, через неделю после 25 марта. В Благовещение ты еще не был окончательно готов, тебе надо было остаться еще несколько дней в тепле тела твоей матери. Это удивительное чудо.

Я не знаю почему, но я была абсолютно уверена, что ребенок, который придет в этот мир, будет мальчик. Я так сильно хотела мальчика, что Бог, без сомнения, ус-

лышал мой голос. Ты был такой забавный со своими длинными черными волосами, которые потом ты сменил на светлые. Беденький мой дорогой, ты много плакал первые недели: твой маленький живот довольно сильно болел, и твоя мама не могла накормить тебя достаточно, с одной стороны, потому, что у нее не было того, чем можно было тебя кормить (голод все еще свирепствовал в России), с другой стороны, потому что она не имела достаточного опыта в таких серьезных, важных вещах и, к сожалению, потому что у нас не прививают в достаточной мере женских навыков: как кормить, как заботиться о новорожденных. Я была совсем одна в то время, и никого, у кого был бы собственный опыт, мало-помалу пришедший, не мог мне помочь. Люди, которые тебя видели, таким маленьким и таким хилым, говорили, не скрываясь от меня, что ты не выживешь.

И только <по> желанию Господа ты вырос и смог отпраздновать в этом году твой десятый день рождения. Господь тебя хранил до сих пор и всегда, Он защищает тебя так же, как защищал до сегодняшнего дня.

Мои ученицы были очень любезны со мной: придя в понедельник в школу, я обнаружила, что всё в цветах: кругом были букеты роз. Затем они предложили мне прекрасный завтрак за столом, тоже украшенным цветами. И наконец, почти в самом конце дня, они пришли из лаборатории с огромной корзиной цветов, которую вручили мне с трогательной речью.

Вернувшись к себе, я нашла книгу на португальском языке, которую несколько учеников подарили мне. Что касается моих коллег, то они организовали для меня очень приятный праздник у одной из них, у доны Амелии, которая пригласила на мой праздник множество человек, в том числе mr Casasante и мистера и мадам Brandao (de Corseix). Были и певцы, и музыка (молодая девушка очаровательно играла и пела под аккомпанемент гитары), и были произнесены стихи, и месье произнес небольшую речь, в общем, действительно, было оказано слишком много чести для одного человека по такому пустячному поводу, которым является 39-й день рождения.

Да, мой малыш, твоя мама становится старше, между тем как ты только и делаешь, что растешь — вот и разница.

В дополнение к этим выражениям уважения со стороны моих учеников и коллег я получила еще два подарка: твое письмо, которое пришло именно в мой день рождения, и ты не сделал это специально, ведь ты не упоминаешь праздник; и письмо от mr Клапареда, который послал его специально по этому случаю и которое пришло как нельзя лучше, в тот же день. С этими двумя письмами я снова почувствовала себя гораздо лучше: ты, мой милый мальчик, и этот славный покровитель, замечательный Клапаред, в отношении которого ты был прав, когда говорил, что мы должны держаться вместе...

РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–1 об.

¹ Письмо написано по-французски. Перевод Л.П. Пуховой, которой приносим глубокую благодарность.

² Е.В. Антипова родилась 25 марта (ст. ст.).